

2017 Том 10 No. 54

Марцинковская Т.Д. Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме

МАРЦИНКОВСКАЯ Т.Д. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА:
ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ

English version: [Martsinkovskaya T.D. Internal form of psychological hronotope: approaches to the problem](#)

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Федеральный институт развития образования, Москва, Россия

Институт психологии им. Л.С.Выготского, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Раскрывается понятие хронотопа в биологии и филологии. Показываются отличия психологического хронотопа и значение гетерохронности хронотопа, рассогласованности между временем и пространством. Доказывается сложная шестимерная структура хронотопа, состоящая из трех пространственных и трех временных параметров. Раскрывается значение конструкта психологического хронотопа для анализа процессов социализации и формирования идентичности в транзитивном мире. Показываются следствия транзитивности, актуализирующие использование конструкта психологического хронотопа. Демонстрируется адекватность использования психологического хронотопа при анализе взаимосвязи социального и индивидуального аспектов идентичности. Рассматривается психологическая сущность большого и малого хронотопов. Малый хронотоп в психологии можно представить как отдельные отрезки жизненного пути, которые должны складываться в систему большого психологического хронотопа (жизни в целом). Анализ гармоничного сочетания разных аспектов психологического хронотопа ставит вопрос о соотношении социального и персонального в идентичности в процессе развития общества и человека. Представлены варианты несовпадения личного и социального времени, влияния дисгармоничности этих сочетаний на творчество и судьбу ученых и художников. Раскрывается значение внутренней формы хронотопа. Показывается, что психологический хронотоп отражает соотношение между шестью параметрами пространства и времени в общем (объективном) и персональном (субъективном) пространствах и временах. А его внутренняя форма связана с переживанием определенного момента в этом соотношении, то есть это эмоциональный отклик (эмоциональный опыт) на связь между конкурентными малыми хронотопами – моментами жизненного пути в пространстве и времени. Показываются варианты описания внутренней формы хронотопа в поэзии, которая в большей степени, нежели другие виды искусства, отразила сущность этого понятия. В заключение доказывается, что сравнительный анализ значения внешней и внутренней форм психологического хронотопа если сравниваются «значения внешней и внутренней форм психологического хронотопа», то запятая после «значения» не нужна. Или же здесь другой смысл? наглядно показывает их гармоничность / дисгармоничность. При этом невозможность их полного совпадения дает интенцию для развития и личностного роста.

Ключевые слова: хронотоп, пространство, время, внутренняя форма, переживание, гармоничность / дисгармоничность

...На самом деле литература не о жизни,
да и сама жизнь не о жизни, а о двух категориях,
более или менее о двух: о пространстве и о времени
И.Бродский

There are in our existence spots of time,
That with distinct pre-eminence retain
A renovating virtue...
W. Wordsworth

«Хронотоп» в биологии и филологии

Понятие хронотопа появилось в науке относительно недавно – в начале прошлого века. Оно было введено А.А.Ухтомским для объяснения поведения человека как целостной системы, которая реагирует на воздействие окружающей среды. Интересно проследить связь идеи А.А.Ухтомского [Ухтомский, 2008] с его же концепцией доминанты и концепцией построения движений Н.А.Бернштейна [Бернштейн, 1990].

Для развития концепции Ухтомского важное значение имело положение о разных уровнях организации движений Н.А.Бернштейна, в которой доказывалось, что организм реагирует именно как целостная система, и именно на общую ситуацию, в которой соединены и время, и пространство. С этой точки зрения выбираются и способы, и уровни реагирования; не даром Бернштейн назвал свою концепцию уровнями построения движения, подчеркивая, что человек строит свое поведение, а не реагирует на стимул. А в строительстве всегда учитываются и место, в котором происходит этот процесс, и его время.

Строительство своей деятельности человек соотносит и со степенью важности окружающих его предметов, причем эти предметы, естественно, также располагаются в определенном пространственно-временном континууме и в пространственно-временной иерархии. Благодаря этой иерархии те или иные предметы фокусируют на себя внимание человека, формируют доминанту на этот предмет. Теория доминанты Ухтомского широко известна, поэтому не имеет смысла подробно останавливаться на ее описании, замечу только, что в меньшей степени говорится о доминанте на лицо другого, которой Ухтомский придавал большое значение и которая, в некоторой степени и стала одним из стимулов для введения понятия хронотопа [Ухтомский, 2008]. Ведь общение с другими (другим) происходит в течение определенного времени и в определенном месте, причем доминанта на разные лица, точнее, выбор объекта (лица) для этой доминанты, тесно связан и с пространством, и со временем как целостной системой. Эта целостность всегда имплицитно подразумевалась в психологии общения, но Ухтомский зафиксировал это единство.

Необходимо подчеркнуть, что в концепции Ухтомского соединялось не только время и пространство, но и естественное и искусственное окружение человека как целостной системы, в общей реакции на внешний мир и, прежде всего, на окружающих людей. Рассогласованность временных и пространственных координат в жизни людей связана и с их рассогласованностью жизни в биологическом и социокультурном мире, в биосфере и ноосфере [Вернадский, 2012].

Переноса идею хронотопа в филологию, М.М.Бахтин связывал хронотоп с сюжетными ходами произведений, стремясь отразить через сущность основных сюжетных хронотопов философию, мировоззрение авторов [Бахтин, 1975, 1997]. Не менее интересно и то, что анализ больших хронотопов дал возможность Бахтину выявить и картину мира в разные исторические периоды, так как в хронотопе отражается, кристаллизуется мировоззрение определенной эпохи. Анализ хронотопа привел Бахтина к мысли о важности хронотопов в развитии сюжета. И здесь появляются так называемые малые хронотопы, которые дают возможность оценить сюжет, исходя из описываемой ситуации, предсказать по пространству происходящего дальнейшее разворачивание временного хода сюжета. Например, хронотоп гостиной – это малый социальный круг, а природа – большой мир, так же как и город.

Гетерохронность хронотопа и вызовы социально-психологической транзитивности

Если Вернадский писал о рассогласованности естественного и социального мира, а Бахтин о больших и малых хронотопах, то Ухтомский, развивая положение о хронотопе, подчеркивал как необходимое свойство хронотопа его гетерохронность, рассогласованность, разрыв между временем и пространством, либо разорванность времени и пространства. В то же время при анализе гетерохронности нужно учитывать тот факт, что не только пространство неоднородно, но и время также относительно. Таким образом, сегодня нужно уже говорить не о двухмерном хронотопе, но о четырехмерном континууме. О необходимости введения четырех измерений в описание мира говорил еще в начале прошлого века Г.Минковский [Минковский, 1911]. В мире Минковского положение тела может быть определено с помощью четырех величин: трех пространственных и одной временной. С его точки зрения, пространство и время не существуют отдельно друг от друга, реальные события протекают одновременно в пространстве и времени. Но, продолжая рассуждения Минковского, если говорить о трехмерном пространстве реальности, то и время не может быть определено одной величиной, так как есть три цвета времени: прошлое, настоящее и будущее.

С появлением виртуального пространства можно говорить о существенном расширении хронотопа, а также и об усилении его гетерохронности. При этом координатная сетка, в которой можно представить соотношение пространства и времени становится крайне сложной, так как помимо трех координат времени и пространства, туда входят еще и координаты виртуального пространства – общего и личного пространства сети, и по крайней мере прошлое и настоящее время в этих сетевых пространствах. Одновременно с этим все острее чувствуется необходимость гармонизации хронотопа, ведь гетерохронность не дает возможность человеку связать воедино отдельные отрезки его жизненного пути, что относит нас к психологии, к проблеме целостности идентичности [Марцинковская, 2015a].

Значимость психологического хронотопа для понимания процессов социализации и становления идентичности особенно возрастает в периоды транзитивности. Это связано с определёнными следствиями транзитивности, проявляющимися в разных областях психологии. Или же после двоеточия перечислить следствия транзитивности.

Нарушение гармоничного взаимоотношения между социализацией и индивидуализацией

Соотношение между стремлением к укорененности в группе (обществе) и одновременно стремлением к персонализации, личностному росту, является важным условием личностного роста и развития. При транзитивности трудности связаны с увеличением тревоги и напряженности, следствием чего становится стремление спрятаться от трудностей, найти убежище в группе (неважно, большой или малой), увеличение конформности.

Противоположная динамика связана с доминированием персонализации, вплоть до конфликтов с окружающими (негативизм) и/или дауншифтингом.

Изменение межпоколенной трансмиссии

В связи с серьезными трансформациями и текучестью норм возрастной разрыв между поколениями уменьшается. При этом социальные, экологические, культурные и этнические факторы оказывают все большее влияние на процесс образования новых поколений и временные границы между возрастными когортами. Нарушение межпоколенной трансмиссии происходит и из-за несовпадения информационных предпочтений.

Изменение роли информационного пространства и обезличенность информации

Существует большая разница между информационными выборами и доверием к информации между возрастными когортами, особенно в разных регионах. В больших городах этот разрыв особенно

велик, так как молодежь выбирает в качестве ведущего источника информации Интернет, которому и доверяет больше, чем телевидению. Взрослые и пожилые люди, напротив, выбирают телевидение как основной источник информации, которому больше всего доверяют. Сложности с доверием к поступающей из разных источников информации связаны и с тем, что увеличение роли СМИ, их трансформация в один из институтов «текучей» социализации приводит к обезличенности и обобщенности поступающей информации, что часто приводит к увеличению напряженности и эмоциональному дискомфорту.

Нарушение гармоничного соотношения между гибкостью-постоянством ценностей

Материалы многих исследований показывают, что в ситуации транзитивности нарушается (существенно понижается) способность людей гибко изменять свои ценностные ориентации, соотносясь с новыми социокультурными реалиями, оставаясь тем не менее в рамках определенных важных для них ценностных эталонов. Можно говорить о том, что в этом случае ядро и периферия ценностей постоянно меняются, не давая людям возможности ни правильно понять и оценить происходящие изменения, ни адаптироваться к ним.

Таким образом, для психологии, рассматривающей развитие человека в современном транзитивном обществе, психологический хронотоп может быть использован в качестве конструкта, соединяющего разные линии развития в современном меняющемся социуме. Гармонизация хронотопа может рассматриваться и как гармонизация идентичности, жизненного пути человека, и как обретение целостной идентичности и появления стабильно позитивного отношения к окружающему. В то же время необходимо подчеркнуть и тот факт, что гетерохронность психологического хронотопа, как любое нарушение гомеостаза, повышает интенциональность, задает направление развития. Это положение ставит вопрос о возможности индивидуальных вариантов психологического хронотопа, сочетающих гармонию и гетерохронность [Марцинковская, 2015b].

Пространство и время в судьбе и творчестве

Анализ гармоничного сочетания разных аспектов психологического хронотопа ставит вопрос о соотношении социального и персонального в идентичности, в развитии общества и человека. Вопрос этот совсем не нов, однако актуальность его не слабеет со временем [Асмолов, 2015]. Возможна ли гармонизация между этими полюсами, или они всегда подобны тянитолкаю, у которого одна голова направлена к земле, а другая – к небу и, уж во всяком случае, всегда в разные стороны. Соотношения между личным и социальным подобны соотношению между Сциллой и Харибдой, между которыми необходимо проплыть для того, чтобы реализоваться в конкретном обществе и в конкретное время.

Вопрос о самореализации и целостности идентичности возвращает нас к хронотопу. Малый хронотоп в психологии можно представить как отдельные отрезки жизненного пути. Они могут не совпадать и даже противоречить друг другу. Но они должны складываться в систему большого психологического хронотопа (жизни в целом).

Бахтин отмечал, что многомерность хронотопа в пьесах В.Шекспира связана с многозначностью понимания им сложных эмоциональных и нравственных взаимодействий и взаимоотношений людей [Бахтин, 1997]. Такой подход приводит к психологизации или, точнее, к возможности психологического прочтения литературного произведения и психологического понимания хронотопа. Можно предположить, что существование одномерных и многомерных хронотопов, так же как и однозначных и многозначных связей внутри хронотопа, существует не только в литературе, но и в живописи. С этой точки зрения можно вспомнить о работах А.Г.Габричевского [Габричевский, 2002], посвященных Я.Тинторетто и А.Мантеньи. Если у Тинторетто пространство расширяется в динамике времени, то у Мантеньи оно замыкается в плоскости бытия, приобретая одномерность, как и хронотоп рыцарского романа. Можно также говорить о том, что введение времени в пространство картины у Я.Тинторетто или Дж.Беллини раскрывает интенцию на становление Я, личности, вырывающейся из одномерности догматов и установок одномерного средневекового бытия. Точно так же и герои Шекспира строят собственный мир по собственным законам, иногда разрушая не только старые догмы, но и окружающий мир, и даже себя.

Разрушение устоявшихся форм хронотопа, точнее, соотношения между субъективным и объективным пространством-временем, всегда происходит через слом, хотя, как подчеркивал Р.Киплинг, слом догматов не обязательно приводит к личностному разрушению, если человек достаточно силен для того, чтобы разрушить или изменить границы личностного и социального аспектов хронотопа.

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает? [Киплинг, 1980, с. 460],

Именно в этих ситуациях происходит серьезная трансформация социального пространства, и время входит в новую фазу развития. Можно говорить и о том, что этот вариант частично может быть описан в терминах трансформации личностной – социальной, о которой писал и Э.Эриксон.

Однако чаще при серьезных расхождениях между разными аспектами хронотопа личное пространство приходит в конфликт с социальным, или человек выпадает из своего времени, переходя в будущее или оставаясь в прошлом, либо расходятся и время, и пространство одновременно.

Такой конфликт можно проследить, например, в судьбе и творчестве Г.Г.Шпета.

Жизнь Г.Г.Шпета как связующее звено между прошлым, золотым веком русской культуры, и современностью. Эта близость Г.Г.Шпета к началу XIX века, времени российского Возрождения, проявляется не только в духовном строе его творчества, но и чисто хронологически. В 1999 году исполнилось 120 лет со дня рождения Г.Г.Шпета и 200 – со дня рождения А.С.Пушкина. Кажется парадоксальным, что Шпет ближе к Пушкину, от рождения которого до рождения Шпета прошло, оказывается, всего 80 лет, чем к нам. К Пушкину, который для нас – олицетворение совершенно другой жизни, другой эпохи, означающей начало новой эры – свободы, просвещения, прогресса в России. И Г.Г.Шпет – почти наш современник, который погиб уже в наше, советское время. Он (особенно в последние годы жизни) жил в тех же условиях, что и большинство из нас, пережив созвучные нам и нашему дню трудности и катастрофы. Но по своему духовному строю, по менталитету, по культуре – он был современником А.С.Пушкина, П.А.Вяземского и М.М.Сперанского, а не нашим. Причем хотелось бы подчеркнуть, что по культурным устремлениям, целостности и гармоничности восприятия мира он был ближе к эпохе Пушкина, чем к Серебряному веку, воплощением которого стал символизм, А.А.Блок с его стихами о Прекрасной Даме, духовные искания В.С.Соловьева.

Недаром одним из героев Серебряного века становится, как уже неоднократно упоминалось, Гамлет, стремившийся восстановить не только распавшуюся связь времен, но и связь отдельных, конфликтующих между собой составляющих личности. Из этой эпохи, ее сумятицы, душевного разлада, когда задачи психологии во многом были связаны именно со способами преодоления этого кризиса и восстановления, казалось бы, невозможной гармонии, появляется то новое поколение, олицетворением которого, повторяю, с моей точки зрения, и являлся Шпет. Поколение, которое смогло только заявить о себе, о своем новом понимании и искусства, и науки, но уже не смогло полностью реализовать свои идеи. И значение психологического хронотопа здесь связано уже не столько с идеей преодоления внешней и внутренней дисгармоничности, но с анализом его содержания, его внутренней формы, которая обеспечивает целостность и гармоничность. Для Г.Г.Шпета важен не сам по себе поиск смысла жизни, но путей его воплощения в творчестве. И мышление, язык, культура становятся важнейшими условиями формирования этого целостного и гармоничного индивидуального психологического хронотопа. И представляется, что в этом одна из причин притягательности его работ для нас.

С идеями Золотого, а не Серебряного века работы Шпета соединяет и апологетика свободы творца, художника. Свободы и от утилитарности, и от стереотипов толпы, и даже от соратников. Шпет считал, что ученый, так же как и художник, должен подчиняться только своим мыслям, своей интуиции, его деятельность направлена прежде всего на самореализацию, а не на «пользу народа», да еще именно в том смысле, в каком эту пользу понимает какая-то определенная группа людей. Эти мысли, очень важные для Пушкина и многих его современников, уже к тридцатым годам прошлого

века клеймились как «безыдейность», как «уход от жизни», подразумевая уход от общественной в частную жизнь, в том числе и в науку, и в искусство.

Творчество Г.Г.Шпета являлось одним из великолепных воплощений чаяний и возможностей именно той науки, которая была до Октября 1917 года, он продолжал движение в русле культурных традиций старой школы, показав ее огромные возможности и приведя к новым, хотя, к сожалению, не до конца реализованным открытиям. И новой школе, новой науке, он оказался не только не нужен, но и глубоко чужд. А тот факт, что он решал те же проблемы, что и новое поколение психологов и философов, проблемы, поставленные временем и логикой научного познания, не приближали, но отдаляли Г.Г.Шпета от исследователей другой эпохи. Они были представителями уже другого времени, вышли из другого социального круга, став носителями другой культуры, другого взгляда на жизнь, они были лишены той свободы, которая была присуща Г.Г.Шпету, его эрудиции, его идеологии. Возможно, эта чужеродность и была причиной его отторжения.

Говоря о значении А.С.Пушкина для развития самосознания российской интеллигенции, Г.Г.Шпет подчеркивал, что его искусство – это взрыв свободного творчества, прорыв интеллигенции, осознавшей собственную значимость, ценность своей деятельности для самореализации, а не как продукта для воспитания народа. Эта идея, важная не только для А.С.Пушкина, но и для Н.М.Карамзина, П.А.Вяземского, А.С.Грибоедова и других его современников, потом опять была заменена идеей «полезности». Недаром уже к концу жизни А.С.Пушкин был мало популярен среди молодого поколения интеллигенции, вспомним хотя бы реакцию А.И.Герцена и Н.П.Огарева на его смерть. А еще через некоторое время его поэзия, так же как стихи А.А.Фета, Ф.И.Тютчева, Д.В.Веневитинова, «были списаны с корабля современности» сначала Д.И.Писаревым и Н.А.Добролюбовым, затем футуристами, В.В.Маяковским. В то же время в 1860-е годы непонятыми остались призывы А.А.Потебни очистить науку и искусство от «идеологического диктата», даже в том случае, если, как у народников, это связано с самыми благими намерениями. Говоря о внутренней и внешней формах художественного и научного произведения, А.А.Потебня подчеркивал, что нельзя отказываться от совершенствования формы ради «правильного» содержания. Это может быть и нравоучительно, и полезно, но это не искусство.

Символизм, который, казалось бы, должен был быть полностью противоположен гражданской поэзии, так же как «Мир искусства» противоположен передвижникам, оказался в некоторых аспектах с ним схож. Это доказывает, что принадлежность к группе, к школе (как художественной, так и научной), диктует свои правила, законы, идеологические стереотипы, которые нельзя нарушать. И тем самым опять ставит препятствия на пути самореализации творца.

Против этого и выступало новое поколение художников и ученых. Такой прорыв к самоценности личности и ее творчества пытался осуществить и Г.Г.Шпет. И через сто лет, опять, как и в двадцатых – тридцатых годах девятнадцатого века, эта попытка окончилась неудачей, так как наступившая эпоха была еще менее адекватна для этих идей, чем николаевская Россия. Но в наше время эти ценности личностной свободы и независимости от политики, от группы, от общественных стереотипов опять становятся если и не приоритетными, то значимыми для многих людей. А потому нам важно осознать, каким образом предполагали сочетать необходимость социализации и функционирования в определенном обществе, в определенной социальной группе, чтобы осмыслив и изменив некоторые положения в соответствии с современной эпохой, не потерпеть в очередной раз неудачу.

Переживание и внутренняя форма психологического хронотопа

Так что же нам дает понятие внутренней формы хронотопа? Представляется, что именно в этом контексте можно попробовать разрешить дилемму тянитолкая или, точнее, дилемму между гармонией (гомеостазом) и стремлением к самореализации, гетерохронности хронотопа.

Если исходить из того, что внутренняя форма есть мое представление о значении или связь между образами, с которыми ассоциируется данное значение, то можно утверждать, что мое отношение к объективному, социальному пространству-времени и внутреннему, личностному пространству-времени и, главное, мое понимание отношений между ними, и есть внутренняя форма психологического хронотопа [Марцинковская, Полева, 2006]. Но тогда именно внутренняя форма и

отражает степень гармонии / дисгармонии, гетерохронности разных частей хронотопа и, таким образом, и является собственно психологической сущностью его. То есть внутреннюю форму психологического хронотопа можно представить как субъективный образ (или цепочку образов) моего развития в пространстве и времени. Поэтому здесь четко можно увидеть точки слома – гетерохронности, которая гармонируется либо не гармонируется, и приводит к личностному или / и социальному конфликту. И эта ситуация, естественно, вызывает определенные (позитивные или негативные) переживания. Таким образом, можно говорить о том, что психологический хронотоп отражает соотношение между шестью параметрами пространства и времени в общем (объективном) и персональном (субъективном) пространствах и временах. А его внутренняя форма связана с переживанием определенного момента в этом соотношении, то есть это эмоциональный отклик (эмоциональный опыт) на связь между конкурентными малыми хронотопами – моментами жизненного пути в пространстве и времени.

Как почти всегда, искусство своим языком (языками) отобразило внутреннюю форму хронотопа, выделив именно важную для психологии эмоциональную составляющую [Балашова, 2009]. Ведь даже такие классические тексты, принадлежащие разным пространствам и абсолютно разным временам, как «На холмах Грузии лежит ночная мгла... Мне грустно и легко; печаль моя светла...» или «...I'm going to Strawberry Fields. Nothing is real and nothing to get hung about. Strawberry Fields forever...» являются по сути внутренними формами хронотопов. Ведь они содержат все составляющие и пространств, и времени, и переживания. И, главное, они несут поток ассоциаций, вызывающий эмоциональный отклик у слушателей.

Идея внутренней формы хронотопа, вызывающей переживания, в поэзии, безусловно, в первую очередь связана с гениальным понятием В.Вордсворта «Spots of time» (место времени). Для В.Вордсворта в этих местах времени, вобравших в себя его эмоциональный опыт, в том числе переживания давнего прошлого, детства и юности, кроется источник жизненных сил (Wordsworth, 1979). Хотя сами по себе эти моменты в пространстве могли быть связаны с потерями и страхами, но главное свойство этих хронотопов в том, что они будят фантазию, помогают человеку пробудиться от рутины повседневности, заставляют работать ум и сердце, и, таким образом, помогают творчеству. То есть можно говорить о том, что внутренняя форма хронотопа с точки зрения Вордсворта, ведет от дисгармонии к гармонии.

Особенно явно внутренняя форма хронотопов видна в стихах символистов Серебряного века. Это связано, как мне кажется, именно с их переживаниями слома времен и пространств и попытками найти свое, личное, гармоничное сочетание пространства и времени. У А.Блока, например, это переживание невозможности выйти из замкнутого круга пространства-времени [Блок, 1960, с. 245].

«Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.
Умрешь – начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь».

У Б.Пастернака или Н.Гумилева, напротив, можно увидеть стремление войти вновь в определенный момент пространства-времени для того, чтобы изменить его внутреннюю форму или переживание, связанное с ним, например: «Февраль. Достать чернил и плакать!» [Пастернак, 1990], «Заблудившийся трамвай» [Гумилев, 1991].

Фактически, все эти стихи – это не только время или место (февраль, Санкт-Петербург), но *переживание* места и времени одновременно. Причем переживание дисгармоничное, вызывающее ассоциации с другими хронотопными переживаниями, то есть это именно не хронотоп сам по себе, сколько его внутренняя форма, дающая интенцию к развитию, творчеству, любой форме активности. Внутренняя форма хронотопа очень характерна для многих произведений И.Бродского [Бродский, 1999]. Дисгармоничное сочетание пространства и времени, связанное чаще всего с переживанием потери, отчаяния, является лейтмотивом многих его произведений: «И пространство пятилось, точно

рак, пропуская время вперед.» («Колыбельная трескового мыса»). Представляется, что и здесь, как первоначально у Вордсворта, хронотоп является источником творчества, так как негативное переживание переплавляется в поэзию.

Интересно, что анализируя переживания, вызываемые живописью и музыкой, А.Г.Габричевский также обращается к разным составляющим хронотопа, связывая их с разными переживаниями. Выделяя два вида эмоциональных состояний, связанных с пространством, Габричевский противопоставлял их переживаниям, связанным со временем, причем, с его точки зрения, пространство связано с аполлоническими переживаниями, которые противостоят дионисийскому началу времени. [Габричевский, с. 336–337].

Эмоциональные озарения, связанные с определенными «местами времени», рассматривались и психологами как реперные точки жизни, запускающие процессы активной деятельности, саморазвития, творчества. Это, конечно, в первую очередь пики и плато переживания А.Маслоу. Но и в работах Г.Г.Шпета можно встретить указания на внутреннюю форму как интенцию, как движущую силу развития, связанную с переживанием места-времени.

Можно констатировать, что именно переживание является механизмом развития, переводя знания из внешнего, социального плана, во внутренний план самосознания и придавая им интенциональность [Марцинковская, 2009].

Однако Шпет при интерпретации понятия интернализации использует понятие внутренней формы слова и / или художественного произведения, хотя сама по себе она не может стать причиной интернализации представлений и не обладает энергетическим и интенциональным потенциалом [Шпет, 2005, 2007].

Однако, по мнению Шпета, внутренняя форма облегчает этот процесс, способствуя появлению эмоционального отношения к тем знаниям, которые оформляет данная внутренняя форма. То есть, по сути, Шпет говорит именно о механизмах развития и интернализации, так как внутренняя форма включает механизм эмоционального обуславливания. Внутренняя форма является идеальным инструментом эмоционального обуславливания и / или заражения, приводящего к интериоризации даже тех понятий, которые на рациональном основании не были бы восприняты человеком.

Таким образом, можно сделать вывод, что Шпет, говоря о механизме развития, фактически отождествляет понятие переживания с понятием внутренней формы, благодаря которой становится возможным эмоциональное обуславливание и / или заражение и интернализация понятий.

По-видимому, продолжая эту линию анализа, можно говорить и о внутренней форме психологического хронотопа, облегчающего процесс личностного роста и формирования целостной идентичности.

Заключение

В ситуации транзитивности роль культуры возрастает именно с точки зрения ее прогностических возможностей. Необходимо отметить, что тенденция, направленная на исследования прогностической роли культуры, актуализируется в современной науке. Появляются работы, которые посвящены анализу роли артефактов и культурных практик в развитии психики, при этом подчеркивается и прогностическое значение вещественных и духовных элементов культуры для психического развития.

Не менее важен и анализ культуры и субкультуры, их связи с идентичностью и социализацией людей. Это дает возможность увидеть, как социальные кризисы переходят в кризисы личностные, находя отражение в новых формах искусства и научных теориях, а новые социальные нормы и стереотипы, новые представления о жизни кристаллизуются в новую повседневность.

И этот круговорот идей доказывает неразрывную связь всех звеньев культуры, всех аспектов психологического хронотопа. Хронотоп показывает связь развития и кризисов, поэтому с одной стороны, наиболее ясно видны роль и содержание хронотопа в транзитивности и, напротив,

транзитивность раскрывает закономерности и тенденции в развитии психологических хронотопов.

При этом внешней формой может быть локализация личного пространства (где) и локализация личного времени (когда). Отношение, переживание реального пространства и времени, которое складывается в субъективный образ (или цепочку образов) персонального развития в пространстве и времени, может рассматриваться как внутренняя форма психологического хронотопа. В этом случае могут исследоваться не только сами субъективные переживания, но формы представленности идеального и реального хронотопа для человека.

Это дает возможность увидеть кризисные моменты, точки гетерохронности, которые гармонизируются либо не гармонизируются, что приводит к личностному или / и социальному конфликту. Сравнительный анализ значения, внешней и внутренней форм психологического хронотопа наглядно показывает их гармоничность / дисгармоничность. При этом невозможность их полного совпадения дает интенцию для развития и личностного роста.

Выражение признательности

Автор выражает огромную признательность М.В.Фаликман за ценные подсказки, которые помогли структурированию этой статьи.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 17-06-00077 «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

Литература

Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия. Психологические исследования, 2015, 8(40), 1. <http://psystudy.ru>

Балашова Е.Ю. Проблема времени в русской и французской культуре первой половины двадцатого столетия: философия, психология, поэзия. Психологические исследования, 2009, 6(12), 5. <http://psystudy.ru>

Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Языки славянских культур, 1997. Т. 5.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. В кн.: Очерки по исторической поэтике. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990.

Блок А. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1960. Т. 1.

Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского. СПб.: Пушкинский фонд, 1999.

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012.

Габричевский А.Г. Морфология искусства. М.: Аграф, 2002.

Гумилев Н.С. Сочинения. М.: Художественная литература, 1991.

Киплинг Р. [Kipling J.R.] Избранное. Л.: Художественная литература, 1980.

Марцинковская Т.Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире. Психологические исследования, 2009, 3(5), 1. <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности. Психологические исследования, 2015а, 8(42), 1. <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015b.

Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Проблема внутренней формы художественного произведения в работах ГАХН. Культурно-историческая психология, 2006, No. 2, 98–104.

Минковский Г. Пространство и время. СПб.: Физика, 1911.

Пастернак Б.Л. Сочинения в 2-х томах. Л.: Советский писатель, 1990.

Иванченко Г.В., Леонтьев Д.А., Орлицкий Ю.Б. (Ред.). Поэзия. Опыт междисциплинарного исследования. М.: Смысл. 2015.

Ухтомский А.А. Лицо другого человека. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2008.

Шпет Г.Г. Философско-психологические труды. М.: Наука, 2005.

Шпет Г.Г. Философия и психология культуры. М.: Наука. 2007.

Wordsworth W. The Prelude, Authoritative Texts. London: A Norton Critical Edition, 1979.

Поступила в редакцию 10 апреля 2017 г. Дата публикации: 23 августа 2017 г.

[Сведения об авторе](#)

Марцинковская Татьяна Давидовна. Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия; главный научный сотрудник, Федеральный институт развития образования, ул. Черняховского, д. 9, стр. 1, 125319, Москва, Россия, зам. директора, институт психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный, гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия.

E-mail: marsinkovskaya@psystudy.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Марцинковская Т.Д. Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме. Психологические исследования, 2017, 10(54), 1. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Марцинковская Т.Д. Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1448-martsinkovskaya54.html>

[К началу страницы >>](#)